

Вера Капьянидзе
РЕКА ВРЕМЕН.
Портной

Вера Капьянидзе
Река времен. Портной

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Капьянидзе В.

Река времен. Портной / В. Капьянидзе — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Мы живем, не ощущая себя создателями истории. А ведь это так очевидно - она вокруг нас, и каждый наш день - как ее кирпичик. Эта книга об истории жизни одной семьи, начиная с 1910 года. Первая ее часть - "Портной" - о жизни одного поколения - основоположников семьи Шепелевых.

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

РЕКА ВРЕМЕН

Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Г.Державин

.

Во все века ясновидцы и кудесники всех мастей пугали концом света, но назло всем предсказаниям крутится наша старушка планета. И течет бесконечная река времен. А мы – мельчайшие капли в ней. И нет числа этим каплям! Эти животворящие капли-судьбы сливаются в капилляры, артерии, вены, образуя семьи, кланы, фамилии и династии, пополняя реку времен. И до той поры, пока эти капли в движении – будет жить и наша планета.

Но, как гласит китайская мудрость: «Камни прошлого – это ступени к будущему». И каждому интересно: а что же было там, в невозвратном временном пространстве, в самом начале, в истоке наших родовых потоков? Как жили наши предки в далеком прошлом, уже ставшем историей?

Строго смотрят они на нас с пожелтевших от времени фотографий. Глядя на их суровые лица, понимаешь, что именно они ваяли историю, будучи современниками судьбоносных событий. Что мы по сравнению с ними? Мы просто живем: работаем, любим, растим детей, болеем, решаем какие-то мелкие насущные проблемы. Увы, времена не выбирают, в них живут и умирают. А может быть, и наши предки просто жили, не взирая на времена и события?

ПОРТНОЙ

I

Вечерело. Солнце лениво заваливалось за потемневшие воды Кубани. На хуторе Романовском пастух прогнал стадо, уже улеглась пыль, поднятая сотнями копыт, затихло ленивое мычанье коров и призывные окрики хозяек, зазывающих домой своих кормилиц. Отзвенели веселые молочные струйки по подоюникам. Печально вздыхая в хлевах, сладко пахнущих свежим сеном и парным молоком, коровы грузно оседая, устраивались на ночной отдых.

Кое-где в домах уже теплился слабый свет трехлинеек. Семья Барабашевых, как и остальные хуторяне, собирались вечерять. Анна накрывала на стол, когда на крыльце послышался стук оббиваемых от пыли сапог. Анна выглянула в окно, не узнавая походки мужа.

– Ох, батюшки-светы, гостюшка к нам! Няся, поди сбегай за отцом. Он на берегу, лодку смолит.

– Здравствуйте, дядька Никола! Проходите, проходите в дом, я за тятей побежала.

Николай долго смотрел вслед племяннице, улыбаясь и удивленно качая головой.

– Анют, выйди-ка, слей мне!

– Опять, что ли на паровозе приехал? – вышла на крыльцо с кувшином Анна.

– А то на чем же еще? Да неужто, на телеге трястись целый день, когда такая чудо-машина есть?

– И не боишься? Я как вспомню, как мы к вам на свадьбу ездили, инда сердце заходится. Дымища, искры в разные стороны летят, а сам весь черный. Не к ночи будь сказано, как из пекла вылетел. А мы-то, – расхохоталась Анна, – сами не лучше его приехали – в саже все, как из преисподней.

– Неча было в окна высовываться. – Усмехнулся Николай. – Зато вот сели и тихо спокойно доехали. Ни тебе ухабов, ни рытвин. И лошаденку не надо мучить.

– Так интересно же было поглядеть... А то может, в баньку пойдешь? У меня чугунок воды в печи стоит.

– Да нет, я так, пыль чуток смыть. – Отказался Николай.

– Ну, здравствуй, что ли, сестра! Как здоровье-то? – обнимая Анну, поинтересовался он. – Исхудала совсем, смотрю.

– Ох, Никола, и не спрашивай. Худо мне совсем. Видно, зря я Ванятку в такие годы рожать удумала. Все после родов никак в силу не войду. Да Петр уж больно просил казака ему родить.

– Ты что несешь-то? – Осерчал Николай. – Тебе Бог ребеночка дал, а ты казнишься. Грех-то какой! Выкинь эти мысли из головы. Ребенок – это Божий промысел, и не тебе судить зря или не зря. И мужика не кори за то. Ты вон себе помощниц наделала, а ему как быть? Как казаку без помощника в дому? Да и какие еще твои годы? Ты лей, лей!

– Да как какие? Уже четвертый десяток давно разменяла.

– Рази ж это годы? Еще баловство одно, поди, на уме-то? – хохотнул Николай, шумно отфыркиваясь от воды. – Ох, хорошо-то как!

– Оставь, – остановила Анна брата, увидев, что Николай потянулся за пропыленной рубахой, – я тебе Петину дам. Пойдем в дом-то, застынешь еще. Вечера ныне прохладные.

– На вот, – Анна вытащила из сундука чистую рубаху. – Поди, в пору будет, а твою простирну, за ночь просохнет. Все ты правильно гутаришь, Никола, да только после родов здоровья совсем не стало, чахну. Боюсь, как бы сиротой не остался. И сам Ванятка болезный растет.

– Чего ты несешь-то? Сиротой... – досадливо махнул головой Николай. – Говорил тебе, приезжай к нам в Екатеринодар. В больничку бы устроили, глядишь, все по-другому вышло. Может, сейчас поедешь, хорошие врачи посмотрят?

– Не привычные мы к вашей городской жизни, мы уж по старинке.

– Вот я и говорю, все как дикари живете. Паровоз вам пустили, вы его боитесь, пуще огня, от больниц как черт от ладана шарахаетесь.

– Да ходила я к фельдшерице. – Безнадежно махнула рукой Анна.

– Ну и что говорит?

Из боковой комнаты вышла Настя с только что проснувшимся Ваняткой.

– У них один разговор: золотуха, дескать, – забирая ребенка у Насти, вздохнула Анна. – Вон, вишь, скоро два годочка, а он и не думает ходить. Беда! Все руки уж оттянул. Хорошо, хоть няньки есть.

– А про тебя фельдшерица чего гутарит?

– Да кто ж знает? Говорила что-то, только я по-ихнему, по медицински не бельмеса не понимаю. Вон пилюли выписала какие-то. Попью, вроде как полегчает, а потом опять все то же. То бок правый болит, а то все нутро так схватит, что и вздохнуть не могу. Насть, ты спустишься в погреб, сальца да солонинки принеси. А сперва-то в огород, пока не стемнело, огурчиков, помидор да зеленухи какой набери. Давай-ка доча, стол надо накрыть. Что ж не сообщил, что едешь-то? Я бы гусака зарубила, да пирог затеяла.

– Да не суетись ты, Анютка. Не гостевать я приехал, по делу. Ты мне лучше молочка парного налей. Сто лет не пил.

Анна кивнула Насте, та тут же принесла из чулана дяде кринку с молоком, накрытую марлечкой и большую кружку.

– На-ка вот тебе подарочек от меня. – Николай вынул из-за голенища сапога холщовый кошелек и вытащил из него сторублевку.

– Да что, ты, братец! Такие-то деньжищи! – ахнула Анна. – Да и не обедняли мы покуда. Петруша довольствие казацкое получает. Живем – грех жаловаться. Девчонки вон и в гимназии учатся на царевом обеспечении...

– Бери, бери. Раз даю, значит есть с чего. Заказ выгодный был, и заказчик не из бедных попался. Мабуть и вы когда мне чем поможете. Девчонкам обновки какие справишь. Им сейчас много чего надобно, не то, что моим ребятам. Тебе сейчас деньги в самый раз придутся, – хитро подмигнул Николай.

– Это ты о чем? – не поняла Анна.

– Да это я так, к слову. – Отмахнулся Николай. – Ох, и девки-то у тебя хороши получились! Красавицы! – наливая молока, похвалил Николай.

– Ну, спасибо тебе, братец за такой подарочек. Царский прямо. А девчонки что? В баушку, знать, пошли. Баушку-то нашу – гречанку, помнишь, поди? Ай не зря же дед ее с какой-то Крымской экспедиции умыкнул! Всю нашу породу красотой одарила.

– Дед наш, видать еще тот ходок был! Ты-то вон в молодости тоже какая красавица была! Отбою от парней не было. Еле успевал отбивать твоих женихов, – захохотал Николай.

– Ты чего несешь при девчонке-то? Еще подумает про мать невесть что.

Настя, накрывавшая на стол, и вправду прислушиваясь к разговору, удивленно взглянула на Анну.

– А что я сказал? Что красавица была, так ты и теперь, не дурнушка, а уж девчата у тебя – всем на зависть.

– Вот я и думаю, а не зависть ли чужая меня грызет-то? Может, кто сглазил?

– Меньше думай про то, и никакой глаз не прицепится.

– Мама-то как? – вздохнула Анна. – Не хворает?

– Да как? По-стариковски. То руки болят, то спину ломит, но так еще ничего, молодцом держится. Я, говорит, еще правнуков, должна дожидаться.

Тут подоспели и Петр с Нюсей.

Нюся принялась помогать младшей сестре, и вскоре на столе уже дымилась в чугушке картошка, распаренная в печи и смачно политая шкварками с луком. На одной тарелке розо-

вели ломти сала, аппетитно лоснясь закопченной корочкой, а на другой чинно и чопорно улеглась сухая солонина. Зеленые пупырчатые огурчики нежно жались к стыдливо краснеющим помидорам в миске. Отдельной горой на доске лежали зеленый лук, молодой чеснок, укроп и петрушка, поблескивая бриллиантами колодезной воды. С самого края стола на блюде лежала вяленая и копченая рыба, покровсанная на куски.

– Ну, здоров будь! – обнялись мужчины.

– И тебе не хворать, шурина! А ты что припозднился-то? Паровоз-то уже давненько прошел.

– Да в станице Кавказской задержался. По кузнецам ходил. Товар искал. Мужик мастеровой заказал штуковину одну, а я нигде отыскать ее не могу. И сделать никто не берется. Вот я заодно и попытал счастье. Мабуть, у вас кто сделает.

– Ну и как?

– Сговорился с одним кузнецом, к завтраму обещался сделать.

Николай, родной брат Анны в Екатеринодаре держал скобяную лавку.

– Ты-то сам как? Все на службе?

– А куды ж еще мне деваться? – уныло махнул рукой Петр.

– Уходить не надумал?

– Да думку энту еще с пятого году держу, когда нас против своо же народу бросили¹. Поверишь, я ведь тогда чуть умом не тронулся после этакой кровищи. Много чего передумал. После того и в депо ходил, про работу узнавал. Только там все больше мастеровой народ нужен, а я что? Только шашкой махать, да землю пахать обучен. Подмастерьем идти в мои годы вроде как не пристало, да и семью не прокормить. А тут еще и атаман пригрозил, что землю отберет, коли из казаков подамся. А куды ж нам без землицы-то? Эх, видать, на роду мне написано до смерти из казаков не выбраться. Ну, да что уж там, разговорами сыт не будешь, давай-ка, брат, за стол. Как говорится, чем богаты...

– Рыбка-то своя никак? – хитро прищурившись, поинтересовался гость.

– А то чья же? – гордо приосанился Петр.

– Эх, порыбалить бы! – позавидовал Николай. – Давненько я ушицы не едал. Да еще с костерка бы...

– А что, пошли, что ли? С утра и споровим. У меня тут недалече место одно прикормлено. Вот и лодку ко времени просмолил, как знал, что приедешь. Караси там – во! – развел Петр руки чуть не на метр.

– Ну, это ты, брат, загнул, – засомневался Николай.

– Ничего не загнул. Завтрева сам увидишь...

– Будя вам, рыбаки, – остановила их Анна. – Садитесь вечерять, а то картоха простынет.

Все чинно перекрестились и сели за стол. Девочки сели вместе со всеми. Петр порезал огромный подовый каравай на ломти, и положил посреди стола. Ванятке дали кусок корочки, и он с удовольствием принялся ее грызть.

– Ну, что сестра, рюмочку не нальешь ли за встречу-то?

– Кака рюмочка? – возмутилась Анна. – Петров день ныне. Быдто не знаешь, что гулять в этот день нельзя. Грех великий!

– А тебе кто сказал, что мы гулять собрались? Грех будет, коли мы за встречу не выпьем. – Поддержал шурина и Петр. – Давай-ка, тащи ее сюда, сердечную.

– Ох, греховодники! – ворчала Анна, доставая из закутка за печью припрятанную бутылку. – Ты мне лучше расскажи, как твои молодые живут?

– Да живут, что им сдеется?

– Наталье-то невестка к душе ли?

---

¹ 9 января 1905 года – событие, известное, как «Кровавое воскресенье» – разгон рабочих в Санкт-Петербурге.

– Да разве на вас баб угодишь? Вам ведь все не так да не эдак.

Никола на Красную горку женил старшего сына Данилу и Барабашевы всем семейством ездили на свадьбу. Теперь Анне не терпелось выведать, как живут молодые.

– А прибавленья-то еще не ждут?

– Я в эти дела не встречаю. Вот приедешь, все сама у Натальи и выведает.

– Что ты в самом-то деле прицепилась к мужику? Словом не дашь перемолвиться. –

Возмутился Петр.

– С чего это я поеду? Я после той поездки больше и не сяду в этот паровоз.

– Сядешь, еще как сядешь, – усмехнулся Николай. – Идите-ка, девчатки, погуляйте пока.

Разговор у нас будет.

Девочки безоговорочно встали и пошли из дому. Хотя по лицам было видно, как им хочется послушать. Особенно Насте.

– Давай подслушаем, – шепнула она в сенях Нюсе.

– Ты чего? Хочешь, чтобы тятя выпорол?

– Да не выпорет. Страшает только.

– Пошли уже, нехорошо это. Надо будет, сами скажут.

– Приданное-то Нюсе собрали? – вслед девчонкам поинтересовался Николай.

– Ты к чему это спрашивашь? – насторожилась Анна.

– Тут такое дело. Я вроде как сватать ее приехал. – Развел руками Николай.

– Тю, никак сдурел?! – опешила Настя. – Мы ведь родня, да еще какая близкая!..

– Да погоди ты, чумная! Не за сына же я приехал сватать-то! Я пока еще в рассудке.

– А за кого же?

– Помнишь батюшку, что мово Данилку венчал?

– Помню. Видный такой батюшка, степенный. Понравился мне очень...

– Вот батюшка Феофил, с того самого дня, со свадьбы, значит, мне проходу не дает. Все про Нюсю выведывает. Приглянулась она ему больно. А надясь уж и напрямую заговорил. Хочу, говорит, к твоей племяннице посвататься...

– Матушка, Пресвятая Богородица! – перекрестилась Анна.

А Петр словно окаменел от неожиданности, открыв рот. Над столом повисло гробовое молчание.

– Ну, что молчите-то? – не выдержал Николай.

Анна с Петром испуганно переглянулись.

– Тут и не знаешь, что сказать-то. То ли радоваться, то ли горевать. Отродясь еще в нашем роду церковнослужителей не было. – Растерянно пробормотал Петр. – Не ровня мы им. Мы ведь все больше пашками махать приучены.

– Да и в нашем не было, – согласился с ним Николай. – Сам огорошен.

– А мама-то что говорит? Она знает ли про то? – пришла, наконец, в себя Анна.

– Как не знать? Я спервоначалу с ней все обговорил. Говорит, а что, пусть выходит. Уж этот точно не обидит, и как сыр в масле будет кататься.

– Так он, вроде как не молоденькой для Нюси? На вид-то ему за тридцать уж будет.

– Ну да, постарше ее будет, – согласился Николай. – Так это ерунда. Тридцать это не пятьдесят.

– А как же с гимназией? – поинтересовался Петр.

– Да уж кака тут гимназия, коли матушкой станет? Бросит, и всех делов. И так, поди, набралась ума-разума. Писать-считать научилась, ну и хватит ей для жизни.

– А что же батюшка сам-то не приехал свататься? Вроде не принято так-то. Сватовство и без жениха? – засомневался Петр.

– Так тут какое дело? У них, у попов-то, чтобы жениться, надобно сначала разрешение от архиерея получить. А чтобы его получить, архиерей должен поговорить с невестой и ее роди-

телями. Вот уж когда архиерей даст благословение на этот брак, тогда уже и свататься можно. А то ведь может случиться, что батюшка Феофил засватает, а архиерей-то и не разрешит. Опозорят, получается, девку. Так что, ехать вам надо на беседу с архиереем. Батюшка Феофил уж сговорился, что примет вас.

– Вона как! – удивился Петр. – А ты мать, что скажешь?

– Ой, Петь, не знаю, что и думать. А может, рано ей еще? Ведь вон только 17 годочков исполнилось.

– Тебя-то саму во сколь отдали? – напомнил Николай.

– Ну да, столько же и было. – Вздохнула Анна. – Да уж больно не хочется расставаться со своей кровиночкой. И что я без нее делать-то буду? – заплакала вдруг Анна. – Все равно как руку себе отрезать.

– Ты чего это, мать болото развела? – растерялся Петр. – Словно на всю жизнь растаеши?

– Жалко донечку, уж така послушна да покладиста, что ни скажешь, все бегом, все бегом, – уже причитала Анна. – А уж как приветлива! Слова грубого от нее не услышишь...

– Чего ты завелась? – возмутился Николай. – Еще яичко в курочке, а она уж прощается. Ездить к ней будешь. Вот делов-то! Да у тебя еще одна помощница есть. Радоваться надо, что партия такая выгодная выпала, а ты вой подняла.

– Надо наперво ее спросить, а то, может, еще заартачится. – Предположил Петр.

– А чего артачиться? – заволновался Николай. – И то сказать, как у Христа за пазухой будет жить – барыней. А там, глядишь, и Настену куда пристроит.

– Ох, не знаешь, как и спросить-то ее, – вытирая слезы, задумалась Анна, разглядывая мужа. – Постричь бы тебя надо завтрава. Да принарядись получше. Мундир свой одень, и кресты Георгиевские не забудь прицепить. Пусть архиерей знает, что не абы кого в жены берут.

Спать девчонок положили на сеновале, а в их комнатку – дорогого гостя. От новости, что привез дядя Никола, сестрам не спалось.

– Нюся, а Нюся, что делать-то теперь будешь? – теребила старшую сестру Настя.

Нюся долго прикидывалась спящей, потом, поняв, что Настя от нее не отстанет, вздохнула, потянувшись:

– А что делать? Замуж пойду за батюшку Феофила. А что? Он, вроде, симпатичный. Я, правда, не очень к нему приглядывалась. Знать бы тогда...

– А как же твой Матвей? – опешила Настя.

– А что Матвей? Он же не сватается.

– Я бы на твоём месте сбежала с Матвеем, – мечтательно прошептала Настя.

– Глупая ты еще Настя, – засмеялась Нюся. – Начиталась французских романов. В голове дурь одна. И куда бы мы с ним побежали? Да и не зовет он меня никуда. Гулять гуляет, а на будущее ничего не загадывает.

– А ты сама ему скажи, что сватают тебя, и если он тебя любит...

– Да не буду я никому ничего говорить, – зло оборвала ее Нюся. – И ты не вздумай болтать по хутору. Я, может, и рада, что батюшка меня сватает. Хоть коровам хвосты не буду крутить на хуторе. В городе буду жить, и не простой казачкой... Маме смогу помочь. Может, вылечим ее. Ну, все, хватит болтать, – отвернулась Нюся от сестры.

Настя скоро заснула, а Нюся еще долго не сомкнула глаз...

Благословение на брак архиерей дал, и в тот же день отпраздновали рукобитие. Жених в честь такого события одарил Нюсю невиданным подарком: полным рубиновым гарнитуром, оправленным в золото: серьги, кольцо и ожерелье. Не откладывая в долгий ящик, назначили и день свадьбы. Чтобы не торопясь уладить все предсвадебные хлопоты, договорились венчаться на Покрова Пресвятой Богородицы.

У Анны прибавилось забот. Первым делом надо было пересмотреть приданное, приготовленное заранее, кое-чего докупить. Как-никак в город выдают, да не абы за кого, а за батюшку да еще в немалом чине – иерей, да еще и настоятель церкви. Ко времени и братьев подарок пришелся. А самое главное – надо сшить подвенечное платье. Тут не ударить бы лицом в грязь. Юбки да кофты Анна, как и все хуторские, себе и девчонкам шила у местной портнихи Дарьи Игнатьевны. И Анна первым делом отправилась к ней за советом.

– Нет, что ты, милая, я за такое сурьезное дело не возьмусь. Боюсь, не управлюсь.

– Что же мне делать? – расстроилась Анна.

– Вот что: дам я тебе адрес своо учителя. Правда, наверное, он уж старый стал, может и не берет заказы. Но все одно направит тебя к какому другому портному. Они там в станице все друг дружку знают.

И очень скоро Анна с девчонками отправились в станицу Кавказскую. И хоть идти было не так далеко – всего-то верст восемь, но Петр решил, что они без того намаются за целый день, и рано утром отвез их на телеге в станицу, обещав ввечеру забрать обратно. Ванятку оставили на соседскую девчонку Дуняшку, посулив ей баночку монпасье.

Лавки все еще были закрыты, и потому решили сначала зайти церковь. А то когда еще попадешь – каждый день в станицу не находишься, а на хуторе церкви не было. Потому ездили туда только за надобностью, да по великим престольным праздникам. Церковь стояла, как и положено, на главной площади. Попали как раз на заутреню. Анна подала нищим, сидевшим у входа. В церкви подала бумажки на обедню За упокой души и За здравие. Писались они еще дома, загодя. Целый вечер они вдвоем с Петром вспоминали всех дальних и ближних родственников с обеих сторон, стараясь никого не пропустить. Потом поставила свечи, помолилась у икон. Девчонки старательно повторяли за Анной, что она делала. Пока стояли к батюшке под благословение, Анна отвела Нюсю в сторонку. Настя пошла было за ними, но Анна шепнула ей:

– Стой здесь. Мы сейчас.

То ли под кровом Божьей благодати, то ли время другого никак не выпадало, Анна, волнуясь, спросила:

– Скажи мне, донечка, с чистой ли душой идешь замуж? Не по принуждению, не со зла на кого?

– Ну что Вы, мама, какое принуждение, сама я. Понравился мне отец Феофил. – Покраснела Нюся.

– Не пожалеешь после-то? Вроде я слышала, что Матвей Хмелев за тобой ударяет? – испытующе посмотрела Анна на дочку. – Смотри, еще не поздно...

– Мало что болтают. Баловство это одно. За батюшку я пойду. – Сказала, как отрезала, Нюся.

– Ну, помогай тебе Бог! – облегченно вздохнула Анна.

Потом пошли по торговым рядам, которые к тому времени уже открылись. Анна дотошно выбирала отрезы на платья, кружева и пуговицы к ним.

– Мама, а мне тоже платье сошьют? – обрадовалась Настя, когда Анна прикидывала к лицу ли ей ткань.

– Да как же без тебя-то? Все нарядимся на городской манер.

Пока приценивались, торговались, обойдя все лавки, время незаметно подошло к обеду. Солнце уже пекло не жалея. Оглядывая площадь, Анна сказала:

– Давайте перекусим, да пойдем портного искать.

Они уселись прямо на земле за церковной оградой в тени старой огромной липы.

– Хорошо, узелок с собой прихватила, а то бы и перекусить нечем было, – доставая пироги с картошкой и бутылку молока, приговаривала Анна.

Насте, хоть она и притомилась от непривычной суеты, было не до еды. Она улыбалась в радостном оживлении, представляя себя в новом «городском» платье.

– Ох, донюшка, – обняв дочку, рассмеялась Анна, – ты у меня сегодня как ясно солнышко. А вот как принарядим тебя, так вообще первой красавицей на хуторе будешь. От женихов-то, поди, отбоя не будет, ты как думаешь?

– Ну что Вы такое говорите, мама. Какие женихи? – засмузилась Настя. – Рано мне еще.

– Эх, доня, жизнь-то наша – она как ветер. Пролетит – и не заметишь. Пока у мамкиной юбки крутишься, он теплый да ласковый, а как начнешь подрастать, так заметет да закружит, что не только мамку, все на свете забудешь, как в метели заплутаешь. Это я к тому, что время оно ох, как быстро летит. Давно ли я босоногой девчонкой бегала-то? А вон уже и снегом меня присыпало.

– Как это? – не поняла Настя.

– Седеть начала. Ну, хватит балясы точить, время-то идет. Пошли-ка до портного. А после еще по лавкам пробежаться надобно будет. Мыла хозяйского надо прикупить, да отцу картуз новый.

И они поспешили к портному. Настя немного пожалела маму, воспринимая ее седину, как болезнь, но очень скоро мысли об обновках напрочь вытеснили грустные мысли. Ей было так радостно, что свертки и коробки, которыми они обвешались, совсем не тянули руки. Мысленно она уже представляла, как сегодня вечером все-все подробно обскажет своей подруге Анютке: какие диковины видела в лавках, как они выбирали отрезы, как сходили в церковь...

Домишко портного удивил своей убогостью. Он был похож скорее на сарай, чем на дом. И хозяин был под стать ему: старый неопрятный еврей, да к тому же еще и горбатый.

– Ну, кого обрывать-то будем? – равнодушно спросил он.

– Да вот Борис Моисеич, дочек своих привела. Одной подвенечное платье, да на второй день что-нибудь надобно. За батюшку выдаем, что-нибудь скромное надо. Да вот еще малой что-нибудь сшить. Ну и мне тоже. Может, сами что присоветуете.

– Ну, показывай, чего вы там набрали...

Анна принялась разворачивать тюки, доставать отрезы и объяснять из какого отреза что хочет сшить и каким фасоном.

Борис Моисеич взял потрепанную тетрадку, карандаш. Он рисовал фасон, старательно слюнявя химический карандаш. Иногда советовал маме, как будет лучше, потом вырывал листочек из тетрадки, вкладывал его в середину отреза, к нему же откладывал пуговицы, кружева или ленты, предназначенные для платья, и все это относил в другую комнату. Когда, наконец, все, что собирались шить, обговорили, Борис Моисеич принялся снимать мерки. Когда подошла Настина очередь, он также равнодушно, как и Анне с Нюсей, сказал:

– Ну, иди, буду и с тебя мерки снимать.

Настю с самого начала напугала небритость недельной давности Бориса Моисеича, его седые давно не стриженные клокастые волосы, замасленная, непонятного цвета кацавейка поверх грязной потрепанной рубахи. Но пока они с мамой разбирались в отрезках и фасонах, и словно не касались Насти, она немного пообвыкла и осмелела. А на его призыв, она, обомлев от страха, непроизвольно, совсем по-детски спряталась за Анну:

– Я не пойду, – прошептала она ей едва слышно.

– Ты чего это? – удивилась та.

– Я боюсь.

– Тю, глупая! – рассмеялась Анна, – А ну-ка, давай, давай, хватит манерничать, – и она насильно вытолкала Настю на середину комнаты.

Из-за своего физического уродства Борис Моисеевич ростом был с Настю. И только руки были длинные, с такими же длинными и цепкими пальцами, как у здорового мужика. Эти пальцы с железной бесцеремонностью дотрагивались до Настиной груди, бедер, поворачивали

ее, вызывая у Насти приступы тошноты. Она понимала, что то, что сейчас творят над ней – неправильно и некрасиво. Так не должно быть, и мучалась от своего бессилия и отвращения к этому неопрятному старому человеку.

Всю дорогу домой Настя едва сдерживала слезы. «Нет, про это я уж точно Анютке не стану рассказывать», – горько, со всхлипом вздыхала она, сидя на телеге. Настроение было испорчено. День, так хорошо и радостно начавшись, закончился таким мучительным испытанием. И потом еще долгие годы при воспоминании о первых своих взрослых нарядах Настю не покидало чувство гадливости и стыда. Мать, заметив перемену в ее настроении, обеспокоилась:

- Ты что это, как в воду опущенная?
- Не поеду я больше к этому Борису Моисеичу! – зло выкрикнула Настя.
- С чего это ты? – удивилась Анна. – Нам еще на примерку надо будет к нему съездить...
- А чего он меня все щупает и щупает, а Вы стоите и молчите. Противно...
- Дурочка, так он же портной. Как он шить-то станет без мерок?

На примерку Настя, конечно, поехала, но для себя решила, что ни за какие коврижки она не выйдет замуж за портного. Даже под страхом смерти. А если насильно будут выдавать, убежит из дома.

Вечером того же дня женская половина семьи Барабашевых бурно обсуждала события дня, а более всего прилично ли будет на венчание надеть подаренные женихом украшения.

– Наверное, можно, – предположила Нюся. – Если подарил перед свадьбой, значит, хочет, чтобы я в них на свадьбе была.

– А мне кажется, что не пристало будущей матушке венчаться в таких дорогущих украшениях. Да еще и цвет такой – ярко красный, прямо кровавый. Нет, не подойдут они к белому платью. Матушка должна быть скромной...

– Но не монашенкой же, – возразила Нюся. – Хотя с белым платьем точно не вяжутся. Спросить бы кого.

- И что мы в церкви-то были, а не догадались спросить у служек. Они уж точно все знают.
- А ты на второй день их одень, – предложила Настя.

Их обсуждение прервал настойчивый залиvistый свист около дома. Нюся вспыхнула краской и подскочила к дверям.

– Ты куда это прыснула? – оторопела Анна. – Не пуцу!

– Я только на минутку...

– А ну сядь! – грозно скомандовал из-за печки, где чинил упряжь, Петр. – Без тебя разберусь.

И вышел на улицу.

– Кто-то уже настрекотал, – горько вздохнула Анна. – Не иначе, как Дашка-портниха постаралась. Больше некому.

Барабашевы уговорились промеж себя, чтобы меньше было пересудов по хутору, про свадьбу пока ничего не говорить. Да разве же утаишь что-нибудь на хуторе, где жизнь каждого как на ладони?

– Матвей, подь сюды, поговорить надо, – оглядев пустынную улицу, негромко позвал Петр.

От куста сирени в палисаднике отделилась неясная в темноте тень.

– Знаю, что здесь, чего прячешься? Али только свистать смелый?

– Я только поговорить с Нюсей хотел, – вышел из своего укрытия Матвей.

– Ты вот что, паря, забудь сюды дорогу, не срами девку. Она уж почти мужняя жена.

– Да уж слышан! За богатенького выдаете? Конечно, кто он, и кто я? Разве ж я ей пара?

Куды нам, простым казакам?

– Остынь! Не гневи Бога, Матвей! – Осерчал Петр. – Никто ее не неволил. По своей воле идет.

– За что же она так со мной? – Растерялся Матвей. – Я ведь, дядя Петро, ждал, когда она гимназию закончит, хотел, чтобы все по-людски было...

– Я про ваши уговоры слыхом не слыхал. Не знаю, почему она другого выбрала. Знать, обида какая на тебя была? Ну, теперь уже поздно что-то менять. Мой тебе совет: если что и было промеж вами – забудь по-хорошему. Не ломай жизнь ни себе, ни девчонке... И мне на глаза лучше не попадайся.

Смолчал тогда Матвей, но обиду затаил...

III

В 1908-ом году на день Покрова Божьей Матери в Екатеринодаре сыграли Нюсину свадьбу. Свадьба была тихой, благопристойной, как и полагается быть свадьбе священнослужителя. Без пьянства и разудалых песен и плясок. Да и как было иначе, когда у жениха почти вся родня из священнослужителей? Венчал пару сам архиерей.

Жить молодые стали у батюшки Феофила, в миру Андрея Нилыча Свирина. У него, несмотря на молодость лет, уже и свой приход был. Потому жил он безбедно. В Екатеринодаре к тому времени у него была большая квартира с прислугой, и зажила Нюся, как сулил ей дядя Никола, настоящей барыней.

Сначала она стеснялась своего положения, особенно, когда немолодые прихожане и прихожанки обращались к ней с поклоном и называли ее не иначе, как матушкой. А дома, чтобы не указывать, что делать прислужнице Авдотье, которая была немногим младше Анны, Нюся поначалу хваталась за всякую работу сама. Но очень скоро привыкла и к этому, и ко многому другому.

С мужем Нюсе повезло. Был он человеком мягким и покладистым. Любил ее несказанно, баловал, ни в чем отказать не мог. Потому и жилось ей спокойно и сладко. Нюся, хоть и не испытывала к Андрею Нилычу особой любви, отвечала ему благодарностью за его заботу и за то, что одарил ее новой доселе неизведанной жизнью. Так и жили супруги в уважении и доверии. Даже дома обращались друг к другу уважительно на Вы. Нюся звала батюшку либо по имени отчеству, либо просто батюшка. Он тоже ласково величал ее матушкой. И лишь когда бывал чем-то недоволен, звал непривычно и официально Людмилой Петровной. Людмила – было ее настоящее имя, которым нарекли ее при крещении, но все уже давно про него забыли. Когда она была маленькая, ее спрашивали, как ее зовут, и она, еще не выговаривая букву «Л», отвечала «Нюся». Так и повелось, сначала в шутку, а потом, привыкнув, все так и звали Нюсей.

Жила теперь Нюся в достатке и невиданном почитании, но, как оказалось, совсем не о такой жизни она мечтала, когда выходила замуж. Хоть архиерей на беседе и предупреждал ее, что от многих мирских соблазнов придется отказать, но тогда не думалось, что жить придется чуть ли не затворницей. Не представляла, что так трудно будет отказаться от привычного уклада жизни. Мечтала Нюся, что заживет городской культурной жизнью: будет ходить в театры, в кинематограф, про который знала только понаслышке. А получалось, что у нее теперь одна дорожка – в храм: помогать прислужницам, да псалмы в хоре петь. Даже на рынок и в магазины Нюся ходила только с прислугой. И одеваться приходилось почти по-монашески. Чтобы юбка до полу, чтобы голова всегда гладко причесана и покрыта косынкой, чтобы руки и грудь закрыты. Иногда у нее даже закрадывались крамольные мысли: «Неужели вся моя жизнь так и пройдет, как в монастыре? Зачем же он мне такие дорогие украшения дарил, если знал, что носить мне их не придется? Заманивал, разве?». Нюся старалась гнать от себя эти тоскливые мысли, уговаривала себя, что все же такая жизнь лучше, чем жить простой хуторяжкой.

Но сидеть без дела Нюся не привыкла. Пообвыкнув с полгодика, из газет она узнала про курсы французской кухни. С разрешения батюшки стала посещать их. Это были не просто кулинарные курсы. Попутно там обучали и правилам хорошего тона, культурным манерам. Там же, на этих курсах у Нюси завелись новые знакомства с городскими барышнями и дамами. Люди это были все достойные, культурные, с положением, не последние в Екатеринодаре.

Постепенно однообразная рутинная жизнь начинала обрастать своими устоями, семейными обычаями. Большой радостью было, когда в гости к ним навещался дядя Николай с домочадцами, или они с Андреем Нилычем ходили к ним. Но это бывало не так часто, как хотелось бы Нюсе. В основном по престольным праздникам. Но самой большой радостью для Нюси стали поездки домой. И хоть такие поездки тоже были не частыми – батюшка Феофил отпускал ее только на дни рождения родственников, да и то ненадолго – дня на два, три. Но ради этих поездок можно было со многим смириться.

Там, в Романовском она чувствовала себя вольной птицей. Летом они ходили купаться с Настей и подружками на Кубань. Ходила в гости к подругам, к родственникам. Только на посиделки, где собирались девчата и парни, дорога ей теперь была заказана. Ходила Настя, а после они ночи напролет разговаривали. Та по просьбе Нюси по нескольку раз пересказывала все новости и про гимназию, и про все, что произошло без нее на хуторе. Нюся боялась признаться даже самой себе, но более всего ее интересовало, конечно, все, что было связано с Матвеем.

– Ой, а Матвей твой... – бесцеремонно начинала Настя.

– С чего это он вдруг моим стал? – строго обрывала ее Нюся.

– Ну, ладно, ладно, не твой, – соглашалась Настя и обиженно замолкала.

– Ну, и чего там Матвей? – не выдерживала Нюся.

– Ой, девчата говорят, такой зловерный стал!

– С чего бы это?

– Девчата гутарят, что это из-за тебя. Обозлился на весь белый свет. Тут как-то его Дуняшка Носова на кадриль пригласила, так он ее так отбрил, так отбрил!

– Как? – заинтересовалась Нюся.

– Иди ты, говорит! И отвернулся. Дуняшка по сей день на гулянки не ходит. А девчата все на тебя злятся. Гутарят, жених такой видный, а из-за тебя ни на одну даже не смотрит.

– А я-то тут при чем? Он уж про меня и думать, поди, забыл. Год уж скоро...

А у самой млело и трепетало сердечко от радостного сознания, что видать не забывает ее дружка. Самого Матвея за все время после свадьбы Нюся не видела ни разу. Как-то так получалось, что за все это время не пересеклись их пути-дорожки. Да и то сказать, Нюся редко ходила по хутору одна: к родственникам с Анной, к подружкам – Настя обязательно увяжется. Кто знает, а может, и сам Матвей избегал встречи.

Весной 1912 года Барабашевы похоронили Ванятку. Отпевать его приехал батюшка Феофил. На следующий день после похорон он уехал в Екатеринодар, оставив Нюсю до девятого дня.

В эти дни случилось так, что Нюся возвращалась вечером одна от двоюродной тетки Алены – сестры отца, жившей через два дома от них. В воздухе духмяно и опьяняюще пахло черемухой, стрекотали цикады. От реки тянуло дымом от костра, доносились звуки гармошки, невнятный гомон и девичий смех. Молодежь гуляла на берегу Кубани. «Хорошо-то как. Васятка Маслов играет», – с грустной улыбкой подумала Нюся, представив, как он, распушив белобрысый чуб, растягивает меха и топчет ногами в такт музыки, словно сам пляшет. Неожиданно ее мысли прервал какой-то приглушенный звук, словно кто-то рассыпал дрова. И правда, из-за кучи не колотых чурок в соседнем дворе появилась неясная тень.

– Кто тут? – испуганно вскрикнула Нюся.

– Не пужайся, свои.

У Нюси при звуках этого голоса все оборвалось внутри то ли от страха, то ли от долгого ожидания этой встречи, то ли от нечаянной радости.

– Ну, здравствуй, монашка! – с издевкой ухмыльнулся подошедший Матвей.

Было темно, но Нюся словно наяву увидела эту его ухмылку, знакомую до дрожи.

– Я постриг не принимала! – с вызовом ответила она.

– Да-а? – вроде как удивился Матвей. – А с чего же это ты ходишь замотанная вся в черное?

– Ай не знаешь, что мы Ванятку третьего дни схоронили? Чего надо-то?

– А вот все спросить тебя хочу, за что же ты со мной так поступила?

Нюся ничего не ответила.

– Молчишь, монашка? Али сладкой жизни захотелось?

Нюся молчала.

– Тогда другое скажи мне. Так ли твой поп тебя милует?

Он неожиданно схватил Нюсю в охапку и страстно до боли приник к ее губам. А рука, сильная и властная, уже бесстыдно мяла ее напружинившуюся грудь. Нюся сначала пыталась отбиться от Матвея, но от него так сладко пахло потом, табаком и еще чем-то особым – родным и забываемым, что тело против ее воли, предательски обмякло, и уже не то чтобы, сопротивлялось, а напротив, тянулось к этой грубой и такой запретной ласке. И долгие годы после, лежа в постели рядом с батюшкой, пропахшим ладаном и свечным нагаром, Нюся вспоминала этот запах Матвея и все думала и думала: «Зачем я это сделала? Правда, что ли сладкой жизни захотелось?». Но так никогда и смогла найти ответа на этот вопрос.

Неизвестно, чем бы закончилась эта нечаянная для Нюси встреча, но тут скрипнула дверь их дома, и с крыльца с залиvistым лаем в их сторону кинулся Рыжко. Вслед за собакой вышел и Петр. Матвей тут же скрылся во тьме, а Рыжко, чуть не сбив Нюсю с ног, с громким лаем помчался за ним.

– Кто там? – крикнул в темноту Петр.

– Я это, тятя! – на ходу поправляя сбившийся платок, поспешила домой Нюся.

– Куды это его понесло? – удивился Петр.

– Да, поди, сучку какую учуял, – как можно спокойнее ответила Нюся и боком мимо отца проскользнула в дом.

Петр еще задержался немного на улице, безуспешно позвал Рыжка, и вернулся в дом. Он долго исподлобья смотрел на Нюсю, на ее раскрасневшееся лицо, на начавший чернеть уголок губы, потом, насупившись, непонятно к чему вдруг сказал:

– Ребятенка тебе надоть завести.

– Ты к чему это, тятя?

– А к тому, чтобы вся дурь из башки вылетела.

– Вы чего там? – подала слабый голос из спальни Анна.

После похорон Ванятки она совсем сдала. Корила себя, что ребенок был нежеланный, за то Бог его и прибрал. Петр, как мог, жалел ее, старался ничем не тревожить.

– Да вон Рыжко куда-то сорвался.

– Так, наверное, Настю побег искать. Он же за ей как привязанный бегаёт. Никак на гулянку усвистала, бесстыдница.

– Да дома я, – возмутилась Настя, выходя из закута за печкой. – Какие гулянки, Ванятку схоронили... Сижу, вон читаю.

– Я ж говорю, за сучкой какой сорвался, – покраснела Нюся.

– Ну, ну, – хмыкнул отец. – Значить, за сучкой...

На девять дней приехал отец Феофил. Нюся, словно между прочим, попросила отца:

– Тятя, а можно я еще у вас погощу? Вон и за мамой пригляжу, а то, смотрю, худо ей совсем.

Петр хитро прищурил глаз:

– Так ведь я теперь тебе не хозяин. Только мой тебе совет, дочка: не оставляй мужика одного. Гляди, простынет семейная постель, да так, что и не отогреешь опосля. А Андрей, хоть он и батюшка, а все же мужик. И про деток подумай. Не дело это: осенью-то два года будет, как живете, а дите не прижили. С того всякое баловство и начинается.

Вопрос с детьми волновал и Андрея Нилыча. С детства мечтал он о большой семье, какая была у него. Отец его, тоже священник, имел небольшой приход в селе под Нижним Новгородом. Когда восемь детей садились за стол, в избе было не протолкнуться. Но жили, хоть и не богато, но дружно. Трое сыновей пошли по стопам отца, а пять дочерей выдали замуж. Не все из них стали матушками, как хотелось отцу, но у всех кроме Андрея были большие семьи. Один Андрей, хоть и добился по богослужению самых больших успехов из сыновей, да вот только с детьми что-то никак не ладилось. А уж как хотелось Андрею, чтобы не меньше пяти ребятишек бегали по дому. Он уже и Бога молил, и молебны служил беспрестанно. Даже в Дивеевскую женскую обитель на могилку Серафима Саровского свозил Нюсю, когда ездили к нему на родину. Ничего не помогало, а время поджимало. Уже тридцать шестой год шел Андрею Нилычу.

Отчаявшись, решил батюшка Феофил уповать не только на Божью милость. Пригласил врача, самого дорогого в Екатеринодаре. Врач осмотрел Нюсю, не нашел никаких отклонений в здоровье и посоветовал свезти ее к морю. Лучше всего в Ялту. Воздух морской там особенный, лечебный, а заодно смена обстановки и климата тоже может благотворно повлиять на укрепление организма. А самое главное, конечно, временный перерыв в семейных отношениях может послужить хорошим толчком к деторождению.

На следующий год и решили поехать в Ялту.

– Андрей Нилыч, я хотела бы взять с собой маму, – попросила Нюся. – Что-то она совсем сдала после смерти Ванечки.

Анна действительно за этот год совсем сдала. Словно оборвалась ниточка, за которую материнским инстинктом она цеплялась из последних сил, стараясь поднять своего младшенького. А когда его не стало, кончились и эти силы. Как-то разом она превратилась в сухонькую немощную старуху, на которую больно было смотреть.

– Обязательно, матушка. Я даже сам хотел просить об этом, потому как не пристало Вам находиться одной в таком месте. А я не смогу надолго оставить приход без догляда. Как-то не доверяю я своему дьяку. Вороватый, подлец. Так что обустрою Вас, и назад. Дней за пять, думаю, обернусь.

По совету бывалых курортников для начала в гостинице средней руки сняли два номера, чтобы потом, без спешки отыскать для аренды нормальное жилье. Первое же посещение ресторана, куда отправились ужинать, привело батюшку Феофила в гнев. И было отчего! Это был кафешантан – ресторан с открытой сценой, на которой полуголые девицы бесстыдно задирали ноги перед публикой, демонстрируя нижнее белье:

– Настоящий вертеп! – отворачиваясь от сцены, возмущался он. – Нет, моей жене не место среди этих блудниц!

На следующее же утро, проводив женщин на набережную дышать морским воздухом, отец Феофил отправился на поиски жилища, более соответствующего для его супруги и тещи, а заодно и более благопристойное место, где можно было спокойно питаться.

Был самый разгар курортного сезона, и отыскать приличное сдающееся внаем жилище было сложно. Но удача все же улыбнулась Андрею Нилычу. В доме № 5 в Лавровом переулке ему предложили снять в аренду квартиру из трех комнат с террасой на втором этаже, с возможностью ее купли в дальнейшем. Правда, и по постройке дома, и по месту расположения района, квартира больше соответствовала мещанскому сословию: низкие потолки, небольшие подслеповатые окна, деревянные полы вместо паркета, отсутствие ванной комнаты.

Обедневшая и овдовевшая в ходе войны хозяйка распродала квартиры в небольшом доходном доме, чтобы уехать к родственникам на Урал. Район был далеко не респектабельный – окраина города, где среди скученных построек занятых рабочим людом: поденщицами, прачками, ремесленниками изредка встречались небольшие двухэтажные дома, подобно тому, что нашел Андрей Нилыч, хозяева которых в основном и жили тем, что сдавали квартиры внаем не очень состоятельным отдыхающим на курортный сезон. Но из-за войны приток подобной категории отдыхающих резко сократился, да и дом находился далеко от моря – километра два. Зато переулочек был тихий, без питейных и увеселительных заведений, все дома надежно обнесены заборами, что весьма радовало Андрея Нилыча. Здесь, вдали от мирских соблазнов, он мог быть вполне спокоен за безопасность своей матушки в его отсутствие.

Андрей Нилыч, поинтересовавшись стоимостью продаваемой квартиры, сопоставил расходы за аренду, сезонный сбор², и решил, что будет намного выгоднее сразу купить эту квартиру, чтобы в дальнейшем не иметь никаких проблем с наймом жилья. И это было куда как спокойнее, чем оставлять матушку в непотребной гостинице. Радовало Андрея Нилыча и то, что совсем недалеко от дома находился храм Святой Марии, куда матушка в любое время могла сходить отдохнуть душой. А с бытовыми неудобствами, в конце концов, месяц-другой можно и смириться.

– Это, матушка, мой скромный подарок. Будет Вам вместо дачи, – словно извиняясь за скудость квартиры, объяснил батюшка Нюсе. – Чтобы Вы могли в любое время без проблем проводить время на море. А потом, Бог даст, и ребеночка можно будет к морю вывозить.

Но Нюся, выросшая в простом деревенском доме, вовсе не притязала на большее, была безмерно рада и этому – как никак свое жилье, да еще и у моря!

Андрей Нилыч два дня пробегал в поисках юриста, который помог бы Нюсе в его отсутствие получить деньги на почте и оформить сделку по купле квартиры. Потом еще два дня у него ушло на заказы мебели и самого необходимого для скромной жизни. Чтобы хоть как-то украсить квартиру, Андрей Нилыч, не жалея денег, заказал мебель красного дерева.

Когда все хозяйственные дела были улажены, батюшка Феофил отправился в Екатеринбург, чтобы перевести на имя Нюси деньги. На вокзале он все сокрушался:

– Как же вы управитесь с обустройством? Знать бы, что такое дело затеется, Авдотью бы прихватили с собой. Разве здесь кого нанять в прислуги?

– Что ты, батюшка! – отмахивалась Анна. – Не बारे! Нешто две бабы, да не управимся? Не убивайся, все сделаем, как надо. И кашеварить тоже сами приспособимся, чем эти обеды из кухмистерской заказывать. Оно и накладно, да и накормят непонятно чем.

Так Нюся нежданно-негаданно стала владелицей квартиры в Ялте.

– Ты гляди-ка, как он тебя любит! – радовалась за нее Анна. – Вон как одарил!

– Ну что Вы, мама, квартира эта наша общая с Андреем Нилычем. Только что записана на меня из-за стечения обстоятельств ... А в общем-то, Андрей Нилыч действительно любит меня.

– Ну, а ты его любишь ли? – полюбопытствовала Анна.

Так получилось, что после свадьбы Анна ни разу не говорила с дочерью на эту тему. Конечно, уж как хотелось поговорить наедине, по душам, выспросить все по-женски, дознаться почему столько лет живут, а детишками так и не обзавелись. Но всегда что-то останавливало. То суета какая-то не оставляла времени на обстоятельный разговор, а когда было время, стыдно было подступиться к такой деликатной теме. Да и не принято было говорить об этом с детьми.

– Не знаю. – Пожала плечами Нюся. – Уважаю его. Он хороший, и добрый очень.

---

² Сезонный сбор – налог за аренду жилья от 1,5 до 5 рублей в зависимости от состава семьи.

– Ничего, доча. Стерпится – слюбится. В нашем, бабском деле, главное, что бы не обижал. Раньше-то и слова-то такого «люблю» не знали. Жалеет мужик, значит, любит. Ребятишек бы только вам еще Бог дал. Уже хочется с внучатами побаловаться.

– Он жалеет меня, – вздохнула Нюся, успокаивая мать.

Анна только внимательно посмотрела на дочь, но допытывать Нюсю больше не стала.

IV

Морской воздух, на который так уповал Андрей Нильч, не помог Нюсе. Так же, как не помог и Анне. На следующий год в Ялту они уже взяли с собой и Настю, которая весной как раз закончила гимназию. Праздная курортная жизнь с доносящейся из кафешантанов фривольной музыкой, с хмельным гомоном и смехом в женских купальнях по ночам, с бередящим душу перезвоном гитар на набережной, пьянила и завораживала Настю.

– Ох, как бы я хотела здесь жить! – мечтала она, завистливо поглядывая в сторону открытых ресторанных террас, шумевших иногда весьма непристойным весельем.

– Сюда едут только отдыхать, – отрезвляла ее мечты Нюся.

– Неужели тебе здесь совсем не нравится?

– Конечно, нравится, но только совсем не то, что тебе. Мне море нравится. Я могу часами смотреть на волны, слушать чаек. Нравится, как на закате солнце тонет в море... Все остальное мне не нравится. Человек не может жить в праздности, иначе он оскудеет душой.

– Ох, Нюся! Какая же ты...

– Какая?

– Какая-то правильная вся и скучная, как и твой батюшка.

– Это у тебя еще ветер в голове шумит. Хотя пора бы уже и взростеть. – Обижалась на нее Нюся. – Хлебнешь ты горя со своим весельем!

Анна старалась не вмешиваться в перепалки сестер. И только однажды, оставшись наедине с Нюсей, попросила:

– Ты уж не сердчай на нее, Нюся. Кровь в ней играет, а в голове еще ветер. Замуж, видно, пора девке.

– Только кровь какая-то дурная. Бесшабашная она у нас.

Анна только укоризненно покачала головой:

– Уж какая уродилась!

Не стала она напоминать Нюсе о Матвее, понимая, что это болезненное ее место. Может, оттого та и сердится на сестру, что самой пришлось усмирить все свои чувства и страсти. А у Насти они пока еще все как на ладони.

– Только я тебя об одном прошу, если что со мной приключится, уж ты не оставляй сестру, позаботься о ней.

– Что Вы такое говорите, мама? – возмутилась Нюся.

– Это я так, на будущее. Мало ли что... – смутилась Анна.

28 июля 1914 года началась I Мировая война, прозванная в народе Германской. Российская Империя, как и многие другие страны, объявила мобилизацию. Призвали и Петра в казачий полк. Пришлось Анне, а с ней и дочерям прервать летний отдых. Надо было срочно ехать собирать мужа на фронт.

На прощание Анна трижды, как положено, поцеловала мужа. Перекрестила, и, тяжело, со всхлипом, вздохнув, сказала:

– Не знаю, свидимся ли мы с тобой еще, Петруша, только ты, если что, уж прости меня за все.

– Ты что как кликуша, хоронишь меня уже что ли? – рассвирепел Петр, – Али первый раз мужа на войну провожаешь?

– Не сердчай, родимый. Не про тебя я это. Чую, не дожждаться мне тебя в этот раз.

– Ну, это ты брось. Чего удумала: «Не дожждаться». У нас с тобой еще девка не пристроена. – Смутился Петр.

Пустели станицы и хутора. Оставались в них только старики, бабы, да малые дети перемогать лихолетье. Осиротел и хутор Романовский. Не стало слышно по вечерам песен на берегу Кубани. Даже собаки и те притихли, не гонялись, как прежде, по всему хутору, а испуганно сидели по своим будкам при дворах.

Анна, как в воду смотрела. Осенью того же года слегла, не помогли ей уже никакие врачи, ни лекарства, а в декабре ее и похоронили. Положили рядом с Ванечкой. Отпевал Анну отец Феофил. Хуторяне завидовали:

– Во, красота-то, и в станицу везти не надобно. Свой, домашний батюшка.

– Нашли чему завидовать! – злилась Настя.

После помин, на второй день, как положено, втроем пошли на кладбище завтракать. Снег еще не лег, но холодный ледяной ветер с Кубани выстудил все вокруг. Даже холмик свежей земли стоял промерзший. Сестры обнялись, безутешно поплакали над ним.

– Как же маме там холодно, наверное, – сокрушалась Настя.

– Ей хорошо там, – успокоила ее Нюся.

– Откуда ты знаешь, как там? Оттуда еще никто не вернулся.

– Не богохульствуй, сестрица. Там – царствие Небесное, – кротко пояснил отец Феофил.

Нюся молча погладила ее по плечу, и начала расстилать рушники на стьлом холмике.

По дороге с погоста Нюся завела разговор:

– Собирайся, Настя, поедешь с нами. У нас теперь будешь жить.

– С чего этого? Никуда я не поеду, дома тятю буду ждать. – Воспротивилась Настя.

– У нас подождешь тятю. Да и какое там хозяйство! – махнула рукой Настя. – Корова, да две овцы только и остались, а одной тебе все равно не управиться. Одного сена накосить, ну-ка без мужика? И по хозяйству что прибить, что починить – это какво?

Действительно, после смерти Ванечки, хозяйство Барабашевых сильно убавилось. Хворой Анне уже не под силу было за всем смотреть. Оставили только одну корову, коня да пару овечек. Петр оставил его на случай мобилизации. С ним, как положено казакам, и отправился воевать.

– Не гоже незамужней девушке жить одной, да еще и в лихолетье. Случись какая беда, и заступиться некому. Да и мама наказывала не оставлять тебя. А тятя у нас тебя найдет, когда вернется.

Насте хоть и жаль было покинуть родной дом, но она понимала, что одной ей действительно не выдюжить. И в душе даже рада была, что будет жить в большом городе.

Почти две недели ушло на то, чтобы пристроить животину. Благодаря отцу Феофилу обернулись быстро. Попросил он батюшку со станицы Кавказской, чтобы тот паству свою поспрашивал. Так и продали корову и овец, а кур да гусей раздали по родственникам и соседям. Затащили в дом из сарая отцовский инструмент, косы да лопаты, цепа, борону, да все нужное по хозяйству заколотили его, наказав родственникам и соседям присматривать за ним, и отправились в Екатеринодар. Забрали из дома только самое ценное – небогатые мамини украшения, фотографии, да старые ходики.

В Екатеринодаре Нюся, помня начало своей жизни в городе, побеспокоилась о Насте:

– Пойдешь на курсы французской кухни.

– Это еще зачем? – удивилась Настя. – Ты что, кухарку из меня хочешь сделать?

– При чем тут кухарка? – растерялась Нюся. – Это тебе всегда пригодится в жизни. Замуж выйдешь, будешь мужа разносолами баловать. А потом там учат не только варить и печь, а еще обучают правилам хорошего тона, красивым манерам. В общем, много полезного для жизни...

– Никак ты задумала замуж меня отдать? – усмехнулась Настя.

– А почему бы и нет? Тебе уже двадцатый год, пора и о семье подумать.

– Уж не из попов ли кого приглядела? И не надейся! Ни за что не пойду замуж за попа, так и знай!

– Это почему же? Или мне плохо живется?

– А что хорошего? Целыми днями поклоны бить, да грехи замаливать, это не для меня, – занесло Настю.

– Ты смотри, при Андрее Нилыче такое не скажи, – испугалась Нюся. – Как басурманка какая рассуждаешь! Жизнь тебя еще не била, вот и дуришь.

– А тебя била?

– И меня не била. Только я стерегусь, чтобы она меня не била, а ты, глупая, сама на рожон лезешь. Как бабочка на свет.

– Глупая, не глупая, только не хочу я жить, как ты. – Не уступала сестре Настя.

– А как же ты хочешь? – обиженно поинтересовалась Нюся.

– Хочу, чтобы по любви! Пусть бедный, но только чтобы любил меня. И я его. А жениха мне не ищи, не старайся. Я сама его найду.

Но на курсы, чтобы была причина как можно реже ходить в церковь, все же пошла. И жениха, как обещала, себе нашла.

Война, с объявлением которой надеялись, что она закончится, не успев начаться, тянулась уже второй год. И, как обычно бывает, в дни лихолетья дух патриотизма, дремавший в мирное время в затхлых и рутинных буднях, бомбой взорвался в народе. Фронту помогали, кто чем мог. Ради победы люди не жалели ни денег, ни здоровья, ни сил. Нюся, посоветовавшись с батюшкой Феофилом, тоже пожертвовала свадебное дорогое кольцо и серьги на нужды фронта. Только с кольцом не смогла расстаться, уж очень оно ей нравилось. А конца войне все не было видно. Это было понятно по тому, что по городам, вдали от фронта, стали формироваться военные госпитали, которые совсем не пустовали.

Организовали военный госпиталь и в Екатеринодаре. Нюся от прихода батюшки Феофила, который и стал одним из благотворителей госпиталя, патронировала его, помогала медсестрам и врачам, ухаживала за ранеными. Большую часть доходов отец Феофил отдавал на содержание госпиталя. Денег в семье теперь хватало только на скромную, а иногда и скудную жизнь. Пришлось даже рассчитать Авдотью. Но так как Нюся еще помогала мужу в приходе, и занималась благотворительностью, то основные заботы по дому теперь легли на Настю. Но она все же находила время, как и Нюся, дежурить в госпитале.

Там, в госпитале она и познакомилась со своим будущим мужем – поручиком Родионом Вельяминовым, который находился на излечении после ранения. Ранение было не тяжелое, в ногу, и после выписки Родион должен был снова отправиться на фронт.

Настя, к тому времени, несмотря на все житейские невзгоды, расцвела. Все ее высокое статное тело налилось жизненным соком. Она не была красива томно-умильной красотой. Напротив, ее широко распахнутые голубые глаза, высокий лоб, русая коса до пояса, крепкий стан – все говорило о духовной силе и несгибаемой воле. Такой девушке не нужен был мужьянька, за которым она смогла бы прятаться как за каменной стеной. Ей нужен был только равный партнер, муж, который бы стал ей другом. Редкий мужчина не останавливал на ней восхищенный взгляд. Но не каждого она одаривала ответным взглядом.

А вот с Родионом все вышло иначе. Молодой, ненамного старше Насти, но уже успевший заслужить Георгиевский крест, оваянный боевым ореолом славы и мученичества, да еще и неотразимо хорош собой – этакий могучий викинг с простоватым, но открытым лицом, все это в романтическом воображении Насти рождало образ несомненного героя. Только в ее экзальтированном воображении рисовался герой скорее из французских романов, которыми она так увлекалась, учась в гимназии.

Они ничего не говорили друг другу о своих чувствах. За них говорили их глаза, и руки, которые словно невзначай задерживались при соприкосновении. И для Насти стало ужасным разочарованием, когда в очередное свое дежурство в госпитале, она узнала, что поручик Вельяминов накануне был выписан из госпиталя.

С дежурства в тот день Настя пришла домой вся разбитая и расстроенная. Она в своем воображении уже рисовала картины романтического, обязательно на коленях, признания в любви, счастливой семейной жизни... Слезы обиды и непонимания, почему он так с ней поступил, душили Настю. Но она ни словом не обмолвилась Нюсе. Каково же было ее удивление, когда неожиданно вечером к ним с визитом с охапкой цветов пожаловал Родион в сопровождении главного врача госпиталя – подполковника медицинской службы Веденева Игоря Валерьяновича.

– Простите за непрошенный визит, но у меня дело, не терпящее отлагательства. – Извинился Родион, вручая дамам цветы.

После представления Родиона батюшке Феофилу – все остальные были знакомы по госпиталю – гости были приглашены к чаю.

Родион не стал надолго оттягивать разговор о цели своего визита, чем весьма озадачил Нюсю:

– Я намерен просить руки и сердца Вашей сестры. – Заявил он после недолгого разговора на общие темы: здоровье, погода, положение на фронте.

Нюся беспомощно взглянула на Андрея Нилыча, словно прося у него совета.

– Вам решать, матушка. Я в таких делах не советчик.

– Ну как же так, без благословения отца, – совсем растерялась Нюся, не зная, что в таких случаях надо говорить.

– Я потому к Вам и обратился. Вы, как старшая сестра, сейчас в ответе за судьбу Насти. Если Вы сомневаетесь во мне, я могу Вам вкратце обрисовать свое положение. Дворянин, в Смоленской губернии имею небольшое поместье на 100 душ, оставшееся мне по наследству от матушки. С него, собственно, и окормливаюсь. Конечно, это не Бог весть какое богатство, но на скромную жизнь вполне хватает. Не женат, из ближайших родственников – старший брат, тоже по военному ведомству. Проживает с семьей в Петербурге, но сейчас, как и я пребывает на фронте. Если у вас есть сомнения на мой счет, Игорь Валерьянович, наш общий знакомый и весьма уважаемый человек соизволил быть моим поручителем.

– Но это все так неожиданно, – не могла прийти в себя Нюся. – К чему такая спешка? Может быть, подождем окончания войны?

– Увы, я не могу так долго ждать. Боюсь, что кто-нибудь уведет такую красоту. – Пошутил Родион. – Я не требую от Вас немедленного ответа. Единственно, у меня будет просьба – все-таки не затягивать с решением этого вопроса. К сожалению, я не волен распоряжаться своим временем. У меня отпуск после излечения всего на три недели, после чего я должен отбыть на фронт.

На прощание Родион поцеловал дамам ручки. Настину ручку он задержал намного дольше положенного приличиями, многозначительно глядя ей в глаза.

– Что это было? – едва оправившись после визита, растерянно спросила Нюся.

Настя в ответ только развела руками.

– Полагаю, душа моя, это было сватовство, – спокойно пояснил отец Феофил. – Не такое уж и плохое дело по моему разумению.

– Настя, а что же ты молчишь? Ты-то сама согласна, или как? – сообразила, наконец, Нюся спросить саму виновницу необычного визита.

Настя едва стояла на ногах от радостной неожиданности, от внезапного счастья, свалившегося на нее, от первого поцелуя. Ее бил такой нервный озноб, что она нашла силы только кивнуть головой и едва слышно прошептать:

– Согласна...

Рано утром Нюся отправилась к дяде Николаю за советом.

– А что ж? Я думаю, совсем неплохая партия для Насти. Как-никак дворянин, если только все это правда, а не прохвост какой.

– Андрей Нилыч уже отправился справиться у Игоря Валерьяновича о женихе. Но я все же опасуюсь...

– А чего? Если нормальный человек, так и пускай себе выходит. Я ведь что думаю? Война выкосит мужиков так, что после нее женихов днем с огнем не отыщешь. Глядишь, еще чего доброго и вековухой останется.

– Так ведь он на войну опять отправляется. А не дай Бог, что случится?

– Ты, матушка, на лучшее надейся, а там уж что Бог даст. Все мы в его власти.

– Как-то все же нехорошо без родительского благословения, – слабо пыталась возражать Нюся. – Да и маме еще года нет, как померла.

– А что батюшка говорит про то?

– Говорит, что живое – живым и большого греха нет в этом. Полгода все же прошло, но только чтобы веселья великого не устраивать.

– Да уж до веселья ли тут, когда кругом кровь рекой льется? А благословение? Ну, так что же? Не велика беда. Я Насте за посаженного отца буду, родные как никак. А уж как Петр вернется с фронта, так и сам благословит ее. Я думаю, он не станет противиться.

Через три дня отец Феофил обвенчал Настю с Родионом. Свадьбу справлять не стали. Так, посидели семейным кругом. Даже «горько» никто не осмелился крикнуть. Дядя Николай подарил Насте самовар:

– Хитрая это штука, скажу я тебе. В хозяйстве незаменимая, первый помощник для женщин. Миротворец!

– Как это? – не поняла Настя.

– Сейчас объясню, – хитро улыбнулся дядя Николай. – Вот мы с Натальей своей как повздорим, так она тут же самовар на стол. Да еще и пирогов к нему подвалит. Так вроде уже и делить нечего. Как есть миротворец! Правильно ли говорю, Наталья?

– Да ну тебя, и чего только не навывдумываешь, старый, – смеясь, отмахнулась та от него.

Свои счастливые «медовые» семнадцать дней, которые пролетели шальной пулей, молодые провели в гостиничном номере.

Перед свадьбой Родион хотел снять квартиру, чтобы было куда привести молодую жену и хозяйку, и чтобы Настя после его отъезда жила в ней, дожидаясь его с войны. Жалование свое на содержание квартиры и остальные расходы, он будет пересылать. Но Настя и Нюся убедили его, что сейчас это ни к чему. Жизнь с каждым днем становится все тяжелее и голоднее, а в кучке оно, вроде полегче будет. Так что Настя поживет, как и прежде, у Свириных, а уже после возвращения Родиона с войны они и обустроят свое жилище.

Расставание было мучительным. Нюся едва оторвала обессиленную и опухшую от слез сестру от Родиона. После отъезда Родиона она два дня не выходила из своей комнаты. На все Нюсины уговоры хотя бы поесть, Настя только молча отворачивалась к стене.

Она никогда не интересовалась вопросами политики и сейчас никак не могла понять: почему ее Родион должен рисковать своей жизнью, воюя в чужой стране? Получается, что на Россию никто не нападал? Батюшка Феофил, как мог, объяснял ей неизбежность этой войны, но никакие объяснения и доводы не действовали на Настю. Ей казалось, что в ее разлуке с Родионом виноваты все вокруг, начиная от сестры и кончая царем-батюшкой. Она изводила себя, пока у Нюси не лопнуло терпение:

– Ты одна, такая, что ли? Подумаешь, разлуку она не может пережить! Умирать собралась? Работать надо! В госпитале рук не хватает, а она тут отлеживается, беду свою нянчит!

Сейчас, почитай в каждой семье такая беда, и ничего, все живут. Вставай, собирайся, в госпиталь пойдем. – Чуть не силой подняла она сестру.

С тех пор Настя поняла, что от всех бед и переживаний есть одно спасение – работа.

V

Как и вся страна, измученная затянувшейся войной, Свирины и Настя жили в ожидании писем с фронта. Петр писал редко и скупо. На сообщение о Настинной свадьбе написал: «Приду с войны – разберемся». И было не понятно: то ли он одобряет, то ли не доволен.

Родион Насте писал аккуратно, и жалованье, которое ему полагалось, как военному служащему, пересылал Насте. Она старалась не тратить этих денег, обходилась тем малым, что платили в госпитале. Надеялась, что к тому времени, когда вернется Родион, они смогут не снять, а, может быть, даже и купить свою квартиру. Хотелось сделать мужу сюрприз, да чтобы он похвалил, какая она рачительная хозяйка.

В конце 1915 года от отца перестали приходиться письма. Нюся с Настей сначала старались не тревожиться, потому что Петр писал не так уж и часто. Успокаивали друг друга, убеждая, что это перебои на почте, или наступление какое, что отцу просто некогда написать.

А когда после Рождества 1916 года к ним вдруг пожаловал сам атаман Кубанского казачьего войска, сразу все поняли. Атаман выразил свои соболезнования и сообщил, что в Гродненской губернии на реке Стрыпе, что недалеко от города Тернополя шли ожесточенные бои, где 17 декабря 1915 года и сложил свою голову Петр Елисеевич Барабашев. Атаман передал сестрам его личную шашку, два выслуженных им Георгиевских креста и положенное в таких случаях денежное пособие.

– Вот и осиротели мы с тобой, Настенька, – обняла Нюся сестру. – И даже на могилку к тятю не сходишь.

Сестры поплакали, погоревали, как-то сразу повзрослев. Правду говорят, что пока родители живы, какие бы они старые и немощные не были, мы все – дети, которым есть куда преклонить голову в беде. И только после их смерти начинаем ощущать свое одиночество и беззащитность.

Но как бы ни была тяжела утрата, жизнь продолжалась. Летом, по настоянию Андрея Нилыча Нюся с Настей опять поехали в Ялту.

– Вам, дорогие мои, непременно нужно отдохнуть. И хоть ненадолго сменить обстановку. На вас столько несчастий в этом году обрушилось! Да еще изнуряете себя дежурствами в госпитале, и каждый день лицезрите кровь, боль и смерть. А ведь так недолго и чахоткой заболеть. Нет, нет, вам непременно надо ехать в Ялту, – убеждал он сестер. – Заодно и квартиру проведаете.

В тайне он все еще лелеял надежду, что Ялта поможет, и еще будут у них с Нюсей детки.

В курортном городе, казалось, ничего не изменилось. Все также по вечерам из кафешантанов доносилась легкая, фривольная музыка. Все также по Александровской набережной и по аллеям Приморского парка разгуливали томные парочки, в кафе и в парке выступали приезжие артисты и певцы, читали стихи поэты. Разве что среди отдыхающих стало больше военных – единственная примета военного времени.

Настя, еще два года назад восхищавшаяся курортной жизнью, сейчас на все эти проявления свободы нравов, смотрела с осуждением:

– Как они могут? – возмущалась она, глядя на откровенно флиртующие парочки, – По всей стране столько горя, а они... Народ с голодухи пухнет, а у них шампанское рекой льется! Пир во время чумы!

– Не суди их строго, Настя, – осаживала ее Нюся. – Помнишь, как Иисус сказал: «Пусть кинет в меня камень, кто без греха». Кто знает, что их ждет завтра? Во времена лихолетий многие живут одним днем. Хоть миг счастья, но мой, а после – хоть потоп...

– Все равно обидно. Отец не понятно за что голову сложил, Родион в окопах гниет, а они тут... Я понимаю, если бы на Россию германцы напали, а так непонятно за что наши мужики воюют? Сколько уже семей осиротело, и конца этому не видно.

– Не нашего это ума дело. – Окорачивала ее Нюся. – Для этого царь есть. Он за все это думает.

– Сомневаюсь я, что он что-то думает. Ты посмотри, что в стране творится! Народ бунтует, кругом голод, царица чудит. Выискала какого-то не то чудотворца, не то попа-растригу, только его и слушает. Что он скажет царице, то царь по ее подсказке и делает. Словно своей головы нет.

– Ты чего несешь? Тебе это откуда известно? – удивилась Нюся.

– Так раненные в госпитале гутарят. Да в очередях за хлебом. Уж на всю страну трезвон идет. Все про то знают. Только царь один, как слепой и глухой. Говорят, что у царицы с этим расстригой... – замылась Настя.

– Чего?

– Ну, как бы это покультурнее сказать? Любовь, вроде бы...

– Ну, это уж слишком! Ты бы поменьше слушала всякую ерунду! – возмутилась Нюся.

– Так все про то болтают... – смутилась Настя. – А ты, Нюсь, словно в лесу живешь! Хотя и правда, кто тебе все это расскажет? Прихожане в церкви помолятся, да разойдутся, и в госпитале поостерегутся при тебе такое говорить. Как-никак матушка! Они к тебе только с почтением. А я – кто для них? Сестричка на побегушках – «подай-принеси». Они при мне и не боятся говорить про все. А Андрей Нилыч тебе ничего не сказывал, что ли?

– Нет, ничего такого он мне не рассказывал. Говорил, только, что в стране беспокойно очень. И в церкви что-то неладное творится. Но это все там, наверху, а мы – что, мы люди маленькие, нас это не касается. А что еще раненные говорят? – все же заинтересовалась Нюся.

– Да, гутарят еще, что какие-то большевики в стране объявились. А главный у них – какой-то каторжник. Только я не поняла, чего они хотят, эти самые большевики. И вообще хорошие они, или плохие. Кто ругает их на чем свет стоит, а кто – наоборот – хвалит. Ничего не понятно...

– Ничего, вот закончится война, и все опять наладится. Ведь когда-нибудь же все кончается, правда? Нам бы только лихолетье пережить, а там будем жить как прежде, а может, даже и лучше...

Сестры, не привыкшие к отдыху, каждый день, как по обязанности тоскливо бродили по берегу моря, вдыхали его терпкий аромат, настоящий на солнце и водорослях, наслаждались рассветами и закатами, но мысли их были далеки от всех этих красот. Отдых в этот раз не был им в радость. У Насти не было минуты, чтобы она не думала о Родионе. Душа и сердце ее мучительно тянулись к нему, словно предчувствуя беду. В конце концов, им наскучило их вынужденное безделье, и они, не выдержав срока, отведенного Андреем Нилычем, засобирались в Екатеринодар.

Не ведали сестры, что лихолетье, конца которого они ждали, затянется на долгие-долгие годы. В феврале семнадцатого к власти пришло Временное правительство. В стране было смутно и голодно. Исчезли продукты, у лавок и магазинов выстраивались чуть ли не километровые очереди за хлебом, керосином, спичками и мылом. Народ в страхе перед неизвестностью сметал с прилавков все, что можно. В городе образовывались какие-то Советы, люди собирались толпами на митинги и собрания, чтобы понять хоть что-то из новой жизни. По улицам маршировали отряды солдат с красными повязками на рукавах, по ночам звучали выстрелы, крики. Было страшно и ничего не понятно.

Но еще страшнее стало, когда в марте Николай II отрекся от престола. Казалось, что мир рухнул, и было не понятно, как же жить дальше. Но надо было как-то жить. Андрей Нилыч все также проводил службы в храме. Только жаловался, что народу стало ходить совсем мало. Настя с Нюсей целыми днями пропадали в госпитале. Ведь оттого, что в стране произошла революция, раненые сами не поправятся. Кто-то должен был лечить, смотреть за больными, печь хлеб, работать на заводах.

В стране катастрофически не хватало еды. Настю с Нюсей поставили на продпаяк при госпитале. Они теперь, в основном и питались там, потому что некогда было стоять в очередях за хлебом. Да и не всегда его можно было купить. И Андрея Нилыча подкармливали в госпитале.

Уже во многих городах поднимались хлебные бунты. Голод и смута, как эпидемия расползались по империи. По деревням горели имения помещиков. В городах рабочие вместо того, чтобы работать, собирали бесконечные собрания, выбирали и переизбирали какие-то комитеты...

Летом, когда немного притерпелись и к этой новой жизни, неожиданно с фронта вернулся Родион. Но это был совсем не тот Родион, за которого два года назад выходила замуж Настя. Она не узнавала его. Куда девался бравый, щеголеватый и лощенный офицер? Запущенный, озлобленный вид, китель без погон, во взгляде – холодность и отчужденность. Он как будто не замечал Настиного присутствия, или стеснялся ее. Словно вернулся не к жене, а к Андрею Нилычу, чтобы обсуждать с ним, что творится в России. Совсем не о такой встрече мечтала Настя долгие два года, ожидая мужа.

Почти каждый вечер, иногда за полночь Родион о чем-то яростно спорил с Андреем Нилычем. Настя старалась не прислушиваться к их спорам, одиноко дожидаясь Родиона в своей комнате. Но сквозь закрытые двери невольно доносились обрывки взбешенного голоса Родиона, иногда переходившего на крик:

– Быдло, отребье! Им подчиняться?.. Ну, нет, я царю присягал... Какое отечество?.. Нет его, это другая страна... Вешать... Стрелять...

Потом он надолго уходил курить на улицу, а когда возвращался, ложился в постель, не обмолвившись с Настей ни единым словом. Они молча лежали в одной постели, совершенно чужие друг другу люди. Настя не могла заставить себя прикоснуться к Родиону, боясь своей неуместной назойливой лаской разбудить в нем ярость. А Родион? О чем думал он в такие минуты? Он не делился своими мыслями с Настей. Только иногда, он неожиданно поворачивался к ней и молча, без разговоров и ласк, с какой-то животной страстью овладевал ею. Настя, понимая, что так не должно быть, в кровь кусала губы от обиды и терпела. Женский инстинкт подсказывал ей, что это – единственное, чем она может сейчас помочь Родиону.

Видя по утрам ее заплаканные глаза, Андрей Нилыч утешал ее:

– Ничего, Настенька, все образуется. Ты потерпи немного. Уж очень он ожесточился сердцем на все земные несправедливости. Все это пройдет, дай ему только время.

– Может, он разлюбил меня? – жаловалась Настя сестре.

– Да кто же этих мужиков разберет, что у них на уме? – сочувствовала ей Нюся, не зная чем помочь сестре.

Днем Родион был спокойнее, и однажды за обедом Настя осмелела:

– Родион, я вижу, как ты извелся. А может быть, нам к тебе на Смоленщину поехать? Там природа, займемся хозяйством, будем работать...

– Хозяйством, говоришь, займемся? – Зло усмехнулся Родион. – Некуда нам ехать, Настя. Имение крестьяне спалили, а в крестьянской избе жить как-то не хочется. Даже если мы с тобой и приедем туда, я не гарантирую, что живы останемся. Крестьяне лютуют. Наслушались большевиков, да эсеров, а чего хотят, и сами не знают. Мне теперь нигде места нет. Из армии ушел,

поместья нет, никто я теперь. Зеро! Хорошо хоть смог деньги из Имперского банка забрать, а то еще неизвестно, чем вся эта кутерьма закончится.

– Да, в жизни нет ничего хуже неопределенности. Когда живешь и не знаешь, что тебя ожидает завтра. – Согласился с ним Андрей Нилыч и предложил:

– Вы знаете, Родион Васильевич, у нас в Ялте есть небольшая квартирка в небольшом домике, что-то вроде летней дачи. Я предлагаю Вам пожить там. Отдохнете ото всех невзгод, успокоитесь, наберетесь душевных сил, а там уже решите, что делать дальше. А может быть, там и обоснуетесь. Сейчас время трудное, что же вы будете снимать квартиру, когда есть хоть и не совсем подходящее, но все же свое жилье. Думаю на том, что Вы ушли из армии, жизнь не закончилась. Просто нужно как-то приспособиться к новому положению. Вы не думали о том, чтобы принять духовный сан? Я мог бы поспешествовать Вам в этом деле.

– Нет, если честно, я морально не готов к такому решению, – деликатно отказался Родион. – Возможно, позже...

Перед отъездом в Ялту, Родион, наконец, купил гражданскую одежду, а фуражку, военный китель, брюки и шинель вычистил, аккуратно сложил и спрятал в самый дальний угол платяного шкафа.

– Может и пригодится еще когда-нибудь, – горько вздохнул он. – Девять лет без малого коту под хвост.

Жизнь в небольшом курортном городке, ленивая и беззаботная, казалось, текла совсем по другим законам. Здесь не собирались собрания, не устраивались забастовки, не было и километровых очередей за хлебом. Все также по вечерам шумели рестораны и кафешантаны на Александровской набережной, все также до утра гуляли беззаботные парочки. Не оставалась в стороне и культурная жизнь: театры, открытые летние площадки в Приморском парке, на которых выступали поэты и певцы, были переполнены, как и до войны.

Но, несмотря на это чувствовалось в Ялте и веяние новых времен: в городе открылось очень много госпиталей и лазаретов, в которых на излечении лежали в основном офицеры после фронта. Потому и в городе поменялся контингент. Куда ни глянешь – повсюду блестят золотые шевроны и погоны. Да еще скакнувшие цены на продовольствие. Но Родиона это, казалось, совсем не беспокоило. Он с одинаковой легкостью тратил и остатки своего наследства, которые успел получить в банке, и деньги, которые за два года сумела накопить Настя. Иногда казалось, что он задался целью промотать все деньги. Настю, ценившую каждую копейку, достававшуюся отцу и матери тяжелым трудом, это, конечно, пугало, но она старалась не вмешиваться в финансовые дела мужа. Ее радовало, что Родион заметно успокоился, стал прежним: ласковым, заботливым и немного бесшабашным. Настя искренне верила, что помог самовар, который она, помня напутствие дяди Николая, прихватила с собой в Ялту. Они с Родионом так и прозвали его Миротворцем. Втайне Настя думала, что он заговоренный, и каждый вечер до поздней ночи они с Родионом устраивали чаепития на террасе. Это, действительно, как-то сблизило их, и отношения понемногу налаживались.

Старший брат Родиона – Олег, продолжавший служить на Балтийском флоте, писал ему, пытался образумить, не проматывать деньги. Звал в Питер, обещал устроить на службу в Мореходство. Но Родиона письма брата только приводили в ярость:

– Продался! – зло усмехался он. – Ну, уж нет, я не из таковских! Я присягал царю-батюшке, а быдлу служить не собираюсь!

Очень быстро Родион завел приятелей в Ялте, близких по духу, которые также как и он не хотели признавать «кукольное» Временное правительство. Это были офицеры, отошедшие от службы, но не нашедшие себя в гражданской жизни. Вечерами они кутили в ресторанах, или играли в карты, бесконечно обсуждая положение в стране и строя прожекты в новой ипостаси – гражданской жизни. Но все их планы неизменно откладывались на неопределенный срок.

Со спутницами приятелей Родиона, две из которых были артистками, и явно не были венчаны со своими «мужьями», как они их называли, Настя как-то не сошлась. Жена третьего приятеля, Зинаида, которая была старше своего мужа Дениса Свешникова, судя по всему, была дамой из высшего общества, и всем своим поведением выказывала Насте и другим дамам явное пренебрежение. Это тоже досаждало Насте, если не сказать больше. Родион поначалу настаивал, чтобы Настя сопровождала его в дружеских застольях и вечерних прогулках. Но Настя, ссылаясь то на занятость, то на плохое самочувствие старалась избегать совместных увеселений. Кроме того, она считала, что ей, как замужней даме, не прилично находиться в обществе «артисточек», как она прозвала их. А Родион и не настаивал на ее присутствии, понимая, что это далеко не Настин круг общения. Настя чувствовала, что он даже немного стесняется ее перед своими друзьями, но уверенная в чувствах Родиона, все же она отпускала его одного, и только в шутку советовала «не терять головы».

Пригодились Насте и курсы французской кухни, против которых она так была настроена, считая их пустым времяпрепровождением. Неожиданно для себя, она приохотилась к стряпне, потчuya Родиона диковинными блюдами, ничуть не хуже ресторанных. Особенно ей понравилась печь. И почти каждый вечер к чаю у нее были то пироги, то плюшки, то печенья.

Нередко оставаясь по вечерам одна, она занималась домашними делами, чуть ли не ежедневно писала письма сестре, много читала. Пока Настя жила с Нюсей, она часто спорила с ней, даже раздражалась на ее невозмутимость и спокойствие. А сейчас, в разлуке ей так не хватало их вечерних посиделок, ее поддержки, и рассудительных советов. Она бы с удовольствием вернулась в Екатеринодар, но Родион не заводил на эту тему разговора, а самой ей было неудобно спрашивать его об отъезде, чтобы он вдруг не подумал, что их просят с квартиры. Тем более и Нюся писала, что бы они не торопились назад, потому что в городе голодно и беспокойно. И, если Родиону вольное житье на пользу, чтобы жили, сколько понадобится.

Читала Настя все, что попадалось под руку. Однажды, когда она в книжной лавке выбирала себе книгу, к ней неожиданно подошел незнакомый мужчина. Высокий, худой, ничем не примечательный, кроме очков и шляпы:

– Вы ищете что-нибудь почитать? Вот, рекомендую, – он непонятно откуда вытащил тоненькую брошюрку, чуть ли не насильно сунул ее Насте, и стремительно вышел. Настя даже не успела его спросить, сколько она ему должна.

Про эту брошюрку она вспомнила только вечером, когда Родион ушел с приятелями «расписать пульку», как он говорил, то есть поиграть в карты. С этой целью они собирались, как правило, у Свешниковых. У тех был свой дом недалеко от набережной, не идущий в сравнение с Нюсиной квартирой, куда Родион стыдился приглашать своих новых друзей. Настя, как обычно отказалась идти вместе с Родионом. Ей было жаль убивать время за бесконечными разговорами с «артисточками» о шляпках, кружевах и перчатках. Точно также неприятна была и «мадам» Свешникова с ее молчаливым высокомерием. Настя не понимала, как Зинаида – такая чванливая особа выносила в своем доме этих артисточек. Впрочем, когда Родион рассказал историю брака Свешниковых, все стало понятно. Сама Свешникова была вдовой генерала, который оставил ей богатое наследство. В том числе и этот летний дом-дворец. Денис Свешников долгое время пребывал у нее в фаворитах, пока она не настояла на их венчании, чтобы хоть как-то спасти свою репутацию в Санкт-Петербургском высшем обществе. И теперь была готова на все, чтобы только сохранить этот брак, или хотя бы его видимость.

Оставшись в одиночестве, Настя в предвкушении любимого занятия расположилась на диване. Ее слегка смутило не совсем понятное название «Апрельские тезисы». Она не знала значения слова «тезисы», и решила, что это, скорее всего название каких-нибудь цветов. А, значит, похоже, что это будет рассказ о любви. По ее мнению это был самый занимательный жанр, когда узнаешь, как складываются отношения у других людей, и невольно сравниваешь со своей жизнью.

Но когда она начала читать, поняла, что это совсем не то, чего ожидала. В какой-то момент она даже хотела выбросить эту брошюру. Но была у Насти такая черта: ей почему-то было стыдно бросить книгу недочитанной. То ли потому что привыкла все, за что бралась, доделывать до конца, то ли потому что, как она считала, человек старался, писал, может быть, даже мучился, и бросить книгу на половине – это просто неуважение к автору. Настя мало что поняла из прочитанного. Но и этой малости ей хватило, чтобы разбудить чувство раздражения. «Господи, да что же это такое? Сектанты что ли, какие?» – Она посмотрела на оглавление, чтобы узнать кто автор: «Кажется, это тот самый каторжник, про которого мужики в госпитале болтали. Чего они хотят-то, эти большевики, никак не возьму в разумение? Царя уже нет, и эта власть их не устраивает? Свою власть поставить? Пролетариат и беднейшее крестьянство? Это что же получится, если крестьяне станут страной править? А кто ж тогда землю пахать будет? Ведь хлебушек-то сам собой не родится. А еще что навывдумывали: убрать полицию и армию, а взамен вооружить весь народ. Так все друг дружку и перестреляют, поди. И что же тогда от России останется? А то еще что сочинили: «распределение продуктов». Это как так? Сиди себе на печи, как Емеля, а тебе продукты с неба будут валиться? Ну, просто сказка какая-то»... Но от этой жутковатой сказки на душе было беспокойно. Умом Настя понимала, что такого никак не может быть, что все это чья-то злая выдумка, но от этого не становилось спокойнее...

Она долго размышляла на эту тему, о которой никогда до этого даже не задумывалась, и сама не заметила, как задремала. Разбудил ее Родион. От него слабо пахло спиртным. Он присел на диван и стал нежно целовать ее:

– Чем это мы так зачитались, что даже заснули? И где наш «миротворец»?

Он взял в руки брошюру, и в один момент лицо его преобразилось. Глаза зло сузились и словно подернулись белой пеленой:

– Ах ты дрянь! – неистово кричал он. – Ты где взяла эту гадость? Я из-за этих тварей потерял все! Я стал никто, червяк, а ты!.. Дрянь!.. Революционеркой захотела стать?! Я покажу тебе революционерку!..

Этой брошюрой он принялся хлестать Настю по щекам. Он еще много кричал обидного и оскорбительного для Насти. Что сколько волка не корми,.. что быдло, оно неискоренимо,.. что кухарка должна знать свое место...

Таким взбешенным Настя еще никогда не видела своего мужа. На него словно напала падучая. Сначала она пыталась ему объяснить, как у нее оказалась эта книжка, но от этого Родион приходил в еще большую ярость. И Настя, обхватив голову руками, горько заплакала. Только это и остановило Родиона. Он разорвал брошюру на мелкие клочки, и, хлопнув дверью, ушел. В эту ночь он не пришел домой ночевать. Это была их первая серьезная размолвка.

Примирение было долгим, тяжелым и безрадостным. Словно от безвыходности. Так часто бывает в жизни: сначала мы молчим, потому что обиделись, потом – потому что не знаем, с чего начать разговор, а потом просто забываем язык, на котором разговаривали прежде. Незаслуженная обида и осознание их социального неравенства рубцом отложились на сердце у Насти. А Родион, считая себя правым, и не очень стремился загладить свою вину. Так и остались каждый наедине со своей обидой, с трудом затолкнув ее в сердечные загашники, всецело положившись на время, как на лучшего лекаря.

Заканчивалось лето, пустела Ялта. Разъехались друзья Родиона, а новыми он не обзавелся. Потому все его время и внимание теперь всецело были отданы Насте. С одной стороны Настю это радовало. Но с другой... Настя стала замечать, что постепенно муж превращается в того – прежнего Родиона, вернувшегося с фронта – ожесточенного и нервного. Теперь он мог часами лежать на диване, уставившись в одну точку, совершенно не замечая Настиного присутствия. Он даже внешне изменился: скулы его зло заострились, глаза ошетинились, поблескивая недобрым холодным блеском. Он стал резким и насмешливым. Настя понимала, что Родиону, потерявшему основной стержень, очень сложно смириться и найти себя в новой, еще не усто-

явшейся жизни. Она не знала, как помочь, но знала определенно, что ему непременно нужно заняться каким-то делом и мучительно думала, как начать неприятный разговор. Однажды, когда после прогулки по набережной, Родион был в прекрасном расположении духа, Настя не выдержала:

– Родион, а ты не думал о том, чтобы открыть здесь какое-нибудь дело? – словно мимоходом спросила она.

– Дело? – насторожился Родион. – Какое дело можно открыть в курортном городе?

– Ну, может быть, открыть небольшой пансионат, или магазин, как дядя Николай?

– Ты вообще понимаешь, что ты мне предлагаешь? Чтобы я стал лавочником?! – взорвался Родион. – Я – потомственный дворянин, а не купчишка какой-то!

Настю опять неприятно уколола это откровенная спесь, на которую она только растерянно развела руками:

– Ну, я тогда не знаю... Может, тебе куда-нибудь на службу устроиться?

– А если не знаешь, так и не лезь со своими советами!

«Всяк сверчок знай свой шесток», – горько усмехнулась Настя про себя.

Тем не менее, через некоторое время Родион устроился на службу в местную гимназию преподавать общественные науки. Чтобы восстановить в памяти утраченные знания, он обзавелся учебниками, справочниками, и засиживался за ними до поздней ночи, что-то скрупулезно выписывая в тетради. Особенно его увлекла история. Он даже читал Насте вслух выдержки из учебников и статей, чем-то особенно восхищаясь, а с чем-то не соглашаясь. Иногда даже спрашивал ее совета, как будет лучше преподнести какой-нибудь материал.

Насте за эти два летних месяца надоело сидеть без дела. Она тоже устроилась в один из госпиталей сестрой милосердия. Теперь они с Родионом по вечерам за тихим сопением самовара делились всем, что пережили за день, шутили, подтрунивали друг над другом.

Настя не могла нарадоваться этим совместным вечерам, и вновь узнавала в муже того – прежнего Родиона, которого она полюбила два года назад. Кажется, жизнь налаживалась.

VI

Октябрьская Революция застала Вельяминовых в Ялте. Казалось, в феврале 1917 года, когда в стране, измученной войной, не стало царя, когда образовалось Временное правительство, страшнее и хуже уже ничего и быть не может. Оказалось, что может. В город хлынули толпы беженцев. Кого здесь только не было: татары, греки, евреи – все бежали, ища спасения от новой власти. Но небольшой курортный городок не мог вместить всю Россию. Люди ютились даже в храмах. Еды не хватало, повсюду побирались нищие. К беженцам прибавились еще французские и турецкие матросы с кораблей, которые как коршуны в любой момент были готовы кинуться на растерзание Крыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.